

Две поэмы (2): «Горбунов и Горчаков»

Бродский, который в поздние годы скептически оценивал свое творчество начального периода, и через двадцать лет после завершения вспоминал «Горбунова и Горчакова» как

290 *Polukhina 1989. P. 264.*

291 *Сергеев 1997 С. 428.*

«исключительно серьезное сочинение»²⁹². Годы работы над поэмой были, возможно, самыми драматическими в жизни автора: полицейские преследования, арест, суд, ссылка, возвращение из ссылки, разлад с возлюбленной, попытка создать с ней семью, рождение сына, окончательный разрыв. Колоссальная психическая нагрузка, вызванная этими переживаниями, и связанные с ней личностные изменения составляют основной биографический субстрат поэмы, причем сама работа над «Горбуновым и Горчаковым» также входит в комплекс этого внутреннего опыта как поистине работа *над* собой: в предпоследней строфе третьей главы содержится молитва, в которой alter ego автора просит Всевышнего даровать ему как итог пережитого «победу над молчаньем и удушьем».

Внешними жизненными обстоятельствами, послужившими материалом для «Горбунова и Горчакова», были два пребывания Бродского на обследовании в психиатрических лечебницах: несколько дней в Москве на Канатчиковой даче, а затем в Ленинграде на Пряжке. Скученность, спертый воздух, холод, скверная и малопитательная пища, грубость и вместе с тем товарищество пациентов, жестокость медицинского персонала, допотопные методы психотерапии, направленной на то, чтобы пациент «признал» свои заблуждения – все эти напоминающие тюрьму качества советской психиатрической больницы реалистически, а местами и гротескно, описаны в поэме. Отвечая в 1987 году на вопрос друга-журналиста: «Какой момент жизни в СССР был для [тебя] самым тяжким?» – Бродский сказал: «Психиатрическая тюремная больница в Ленинграде. Мне делали жуткие уколы транквилизаторов. Глубокой ночью будили, погружали в ледяную ванну, заворачивали в мокрую простыню и помещали рядом с батареей. От жара батарей простыня высыхала и врезалась в тело»²⁹³.

Оба пребывания Бродского в психиатрических лечебницах не были, однако, формой наказания. Заключение инакомыслящих в «психушки» стало широко практиковаться лишь несколько лет спустя. Оба раза Бродский проходил обследование, поскольку его друзья, близкие, его адвокат полагали, что установленный диагноз душевного расстройства поможет спасти его от ареста, суда и приговора (см. об этом в главе IV). Таким образом, у молодого поэта, который действительно отличался в те годы повышенной эмоциональной возбудимостью, не было в периоды пребывания в скорбных домах той нравственной опоры, которая помогала выдержать ужасы карательной психиатрии будущим диссидентам, он действительно мог временами сомневаться в своем душевном здоровье. Состояние раздвоения личности в результате сильной психической травмы, описанное Ахматовой в «Реквиеме», несомненно примерялось им на себя:

Уже безумие крылом
Души накрыло половину
И поит огненным вином,
И манит в черную долину.
И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.

Глубокая авторефлексия «Горбунова и Горчакова» была призвана сыграть и терапевтическую роль: предотвратить погружение в «черную долину». Бродский превратил свой самый страшный опыт в художественный текст, а конфликтующие голоса в персонажей этого текста.

Холодная и зловонная больничная палата представляет собой то приближающийся, то

292 Волков 1998. С. 318.

293 Интервью 2000. С. 279.

отдаляющийся фон, но подлинным местом действия «Горбунова и Горчакова» является сознание, мозг лирического героя. Надо иметь в виду, что в поэзии Бродского мозг зачастую заменяет условно-поэтическое «сердце» прошлого. Это наглядно отражается в сравнении данных частотных словарей²⁹⁴:

Характерен рассказ поэта о размышлениях накануне первой операции на открытом сердце: «Я сказал себе: „Ну да, конечно, это сердце... Но все-таки ведь не мозг, это же не мозг!“ И как только я подумал это, мне сильно полегчало»²⁹⁵.

«Я сказал себе...» – это вероятный ключ и к замыслу поэмы. Раздвоение главного героя – не шизофренический синдром и тем более не патологическое явление галлюцинаторных «голосов», как это воспринималось некоторыми критиками²⁹⁶, а персонификация двухполушарной структуры головного мозга. «Во всех наиболее глубоких областях творчества, будь то математика или музыка, наиболее высокие достижения связаны по преимуществу с правополушарной образной интуицией, но для их воплощения (прежде всего словесно-речевого и вообще пользующегося набором дискретных единиц, как слова естественного языка) требуется и использование возможностей левого (речевого) полушария»²⁹⁷. Именно таковы характеристики, заданные с самого начала Горбунову и Горчакову: первому, с его «прозаической» фамилией, свойственно развивать сложные логические построения, такие, как концепт двоичности в главе III «Горбунов в ночи», его сны кодируются набором дискретных символов (*лисички, острова, полавки*). Второму, фамилия которого вызывает у читателя «пушкинские» ассоциации, сняты эмоционально окрашенные конкретные картины («образы») – уличные сцены, моменты собственного детства и в первую очередь музыкальные впечатления («Концерты, лес смычков...»). Его ночной монолог, глава VIII «Горчаков в ночи», симметрична главе III «Горбунов в ночи», представляет собой почти бессвязную последовательность взволнованных прокламаций, текст изобилует вообще редкими у Бродского восклицательными знаками (29, тогда как в главе III всего 1). Именно на речевую, а стало быть, и мыслительную функцию Горбунова в поэме указывается не раз: «Как странно Горчакову говорить / безумными словами Горбунова!» Этим же обусловлено и то, что, как правило, Горчаков задает вопросы, а ответы, разъяснения дает Горбунов. Поскольку язык возглавляет иерархию антропологических ценностей у Бродского, в заключение главы X читаем: «Когда повыше – это Горбунов, / а где пониже – голос Горчакова».

В поэме есть только одно место, заставляющее читателя засомневаться в том, что Горбунов и Горчаков – две ипостаси одной личности. В седьмой главе Горбунов говорит: «Я в мае родился, под Близнецами», – как и автор поэмы. И там же сказано, что Горчаков родился в марте под знаком Овна. Сказано это в контексте шуточных астрологических объяснений характеров Горбунова и Горчакова, но дело тут, скорее, не в астрологии, а в эмбриологии: человеческий мозг начинает оформляться за три месяца до рождения.

Симметрия-асимметрия двух конфликтующих и не могущих обойтись друг без друга ипостасей лирического героя, подобная симметрии при различии функций полушарий

294 *Патера 2002*; A Concordance to the Poems of Osip Mandelstam, edited by Demetrius J. Koubourlis, Ithaca [N.Y.]: Cornell University Press, 1974; Словарь языка Пушкина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Т. 2. 1957; Т. 4. 1961.

295 *Волков 1998* С. 195.

296 См. *Проффер 1986*.

297 *Иванов В. В.* Художественное творчество, функциональная асимметрия мозга и образные способности человека. В кн.: Текст и культура. Труды по знаковым системам XVI. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 635. Тарту, 1983. С. 12.

головного мозга, находит иконическое выражение и в структуре поэмы, в содержательном параллелизме и контрастности симметрически расположенных глав. Эту важную структурную особенность «Горбунова и Горчакова» автор подчеркивает тем, что в совокупности названия 14 глав представляют собой сонетоподобный текст:

- 1 Горбунов и Горчаков
- 2 Горбунов и Горчаков
- 3 Горбунов в ночи
- 4 Горчаков и врачи
- 5 Песня в третьем лице
- 6 Горбунов и Горчаков
- 7 Горбунов и Горчаков
- 8 Горчаков в ночи
- 9 Горбунов и врачи
- 10 Разговор на крыльце
- 11 Горбунов и Горчаков
- 12 Горбунов и Горчаков
- 13 Разговор о море
- 14 Разговор в разговоре

Формальная симметрия поэмы очень строга. Все 14 глав практически равновелики – по 100 строк, за исключением глав I и XIII – по 99 (всего 1398 строк). Во всех «диалогических» главах используются десятистрочные строфы, содержащие по пять одинаковых рифменных пар (еще один способ подчеркнуть двойную природу того, что по существу является лирическим монологом). Особняком стоят выходящие за рамки разговора Горбунова и Горчакова и симметрически расположенные главы V и X, в них строфы удлинены и рифмы не повторяются²⁹⁸.

В тексте поэмы неоднократно встречаются иронические выпады в адрес пансексуальной доктрины Фрейда. Подобно Ахматовой и Набокову (но не Одену!), Бродский не признавал психоанализа. Он говорил: «Фрейд в своем роде замечательный господин, он расширил наши представления о самих себе. Но в общем на меня это все не произвело особенного впечатления. <...> Простой пример глупости этого господина: его утверждения о природе творчества, что оно является сублимацией. Это полный бред, потому что и творческий процесс, и эротическая, как бы сказать, активность человека на самом деле сами по себе – не одно является сублимацией другого, а оба они являются сублимацией творческого начала в человеке»²⁹⁹.

Диалогическую форму Бродский до «Горбунова и Горчакова» опробовал в «Исааке и Аврааме» и нескольких стихотворениях. Мы помним, что использование диалога в поэзии более всего поразило его у Роберта Фроста (см. в предыдущей главе). При помощи диалога Фрост создавал атмосферу экзистенциального абсурда и ужаса. Любопытно, что в диалогических текстах Бродского, как правило, отсутствует ремарка, определяющая, кто произносит реплику, даже в предназначенных для сцены произведениях – в пьесах «Демократия!» (1990) и «Дерево» (1965?; см. о них в главе IX). В «Горбунове и Горчакове» Бродский даже использует экстравагантный прием вынесения всех опущенных ремарок типа «он сказал» в отдельную, пятую, главу – «Песня в третьем лице». Затем, в симметрически расположенной десятой главе, «Разговор на крыльце», он закавычивает фразы, являющиеся не репликами диалога, а фрагментами монолога «от автора». («Не есть ли это тоже разговор, /

298 См. прим. 435.

299 *Интервью 2000*. С. 567–568. А вот отголосок Юнга в поэме можно заподозрить – море как основной символ бессознательного, по Юнгу, играет там важную роль, в особенности в главе XIII («Разговоры о море»).

коль скоро все описано словами?») Отсутствие ремарок усиливает впечатление интериоризации диалога, снятия различия между диалогом персонажей и лирическим монологом.

«Горбунов и Горчаков» может служить развернутой иллюстрацией к учению Бахтина о диалогизме и в особенности о невозможности в художественном творчестве «безобъектного, одногослого слова»³⁰⁰, и период написания поэмы совпадает с началом бахтинского ренессанса в СССР. Однако вряд ли речь может идти о прямом влиянии. Я однажды спросил Бродского, читал ли он Бахтина, Бродский ответил: «Просматривал книгу о Достоевском, понравились цитаты» (из Достоевского). Прямого влияния Бахтина здесь нет, но витавшие в воздухе идеи диалогизма, в особенности о невозможности быть *собой* без живого общения с *другими*, в поэме отразились.

...чувствую, что я
тогда лишь есмь, когда есть собеседник! —

говорит Горчаков в восьмой главе³⁰¹.

Нельзя согласиться с мнением Карла Проффера, что «Горбунов и Горчаков» «представляет собой платоновский идеал диалога, диалог в самой своей сути, в добытийной чистоте... не прерываемые словесными отбросами поясняющих вставок, из этой дыры в космосе (как часто называют в поэме сумасшедший дом) два голоса говорят о вечном человеческом одиночестве и страдании»³⁰². Платоновские диалоги условны. Они представляют собой главным образом монологи Сократа, а прочие участники лишь подают реплики, дающие Сократу возможность развивать свои рассуждения. Такие исключения, как миф о происхождении эроса, поведенный Аристофаном в «Пире», встречаются, но редко.

Наконец, читая поэму, нельзя не обратить внимания на то, что ее хронотоп связан с христианским календарем – это сумасшедший дом в период Великого поста (шутливые и серьезные упоминания поста и завершающего его праздника Пасхи регулярно появляются в тексте). Религиозный смысл Великого поста как «духовного странствия, цель которого – перенести нас из одного духовного состояния в другое»³⁰³, заключен и в сюжете «Горбунова и Горчакова». Семь пар глав поэмы соответствуют семи неделям поста (ср. принципиально аналогичную композицию другого пасхального стихотворения, «Посвящается стулу» (У), где семь строф стихотворения соответствуют семи дням Страстной недели – от понедельника до воскресенья). Ключом ко всему тексту являются слова широкоизвестной (в частности, благодаря переложению Пушкина) великопостной молитвы святого Ефрема Сирина: «Даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего». Обостряющаяся в покаянный великопостный период оппозиция плоти (предательской) и духа (ею предаваемого) обозначена и евангельскими аналогиями: Горбунов уподобляется обреченному на крестные муки Христу, а Горчаков – Иуде. В этом смысле диалогическая поэма Бродского напоминает средневековую мистерию. «Люблю и предаю тебя на муки», – заключительные слова Иуды – Горчакова в восьмой главе. В этом сакральном сюжете Предатель и Преданный связаны неразрывно: «Как странно Горбунову на кресте / рассчитывать внизу на Горчакова», – дивятся мучающие Горбунова доктора (глава девятая, строфа восьмая). В заключение следующей строфы голгофская аналогия усиливается. На предложение врачей: «Эй, Горбунов, желаете ли кофе?» (травестированная чаша с желчью и уксусом) – тот отвечает

300 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 288-289.

301 Ср. с окончанием стихотворения «Натюрморт» (КПЭ) – см. о нем в главе VII.

302 Проффер 1986. С. 138.

303 Прот. А. Шмеман. Великий пост. Париж: YMCA-Press, 1986. С. 91.

словами Христа: «Почто меня покинул!»

Еще один скрытый намек на аналогию со Спасителем заключен в названиях глав четвертой и девятой – «Горчаков и врачи» и «Горбунов и врачи» соответственно. Часто встречающийся в иконописи и западноевропейской религиозной живописи сюжет иллюстрирует стихи 46–47 главы 2 Евангелия от Луки: «Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; Все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его». В западной традиции мудрецы храма («учители» в русском тексте) именуются «докторами»³⁰⁴. Психиатры, допрашивающие Горбунова – Горчакова, напоминают гротескно-зловещих докторов, допрашивающих Христа на знаменитой картине Дюрера.

После 1964 года Бродский задумал «Горбунова и Горчакова» как попытку найти смысл в ужасающе абсурдном пережитом опыте³⁰⁵. Он открыл в нем религиозную парадигму. Психов, «наполеонов» и «чайников» в горбуновско-горчаковском дурдоме нет. Безумие в этом скорбном месте не патологическое состояние, а экзистенциальное несчастье – предательство близких, людская жестокость, собственная биологической уязвимость. Не устоять перед этим несчастьем – это и значит «лишиться разума», утратить себя как личность. Одиночество человека, сопротивляющегося несчастью, Бродский уподобляет одиночеству Христа на Голгофе. Есть в поэме и визионерский момент с параллелью из Ветхого Завета:

Постойте, вижу... человек... худой...
Вокруг – пустыня... Азия... взгляните:
Ползут пески татарскою ордой,
Пылает солнце... как его?.. в зените.
Он окружен враждебною средой...

(Глава 4, строфа 5)

Это написано не только по-русски, но и на символическом языке поэзии Бродского, где слова «пустыня», «Азия», «песок» значат больше, чем их словарные значения. Мы находим те же словообразы в «Исааке и Аврааме» и в стихотворении, давшем название книге, и в ряде других текстов.

Библейский Иосиф, о котором идет речь в этом отрывке, сумел выбраться из колодца, куда его сбросили братья, и добиться славы и почестей в чужой земле.